

Рудольф ШТАЙНЕР

САМО •
ПОЗНАНИЕ

МИСТИКА
И
МАТИЯ

Рудольф Штайнер

**Путь к самопознанию человека.
Порог духовного мира**

«Неоглори»

Штайнер Р.

Путь к самопознанию человека. Порог духовного мира /
Р. Штайнер — «Неоглори»,

Задача этой книги состоит в том, чтобы, с одной стороны, дать что-нибудь читателю, уже более подробно знакомому с литературой и работами в области сверхчувственного, как оно здесь разумеется. Таким образом, знакомый со сверхчувственной жизнью найдет здесь нечто такое, что может показаться ему важным. С другой же стороны, книга может оказаться полезной также и людям, еще далеко стоящим от достижений духовной науки.

Содержание

ПУТЬ К САМОПОЗНАНИЮ ЧЕЛОВЕКА В ВОСЬМИ МЕДИТАЦИЯХ	5
Вступительные замечания	5
ПЕРВАЯ МЕДИТАЦИЯ	7
ВТОРАЯ МЕДИТАЦИЯ	11
ТРЕТЬЯ МЕДИТАЦИЯ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Рудольф Штайнер

Путь к самопознанию человека

ПУТЬ К САМОПОЗНАНИЮ ЧЕЛОВЕКА В ВОСЬМИ МЕДИТАЦИЯХ

Вступительные замечания

В этой книге поставлена задача – дать духовно-научные познания о существе человека. Изложение ведется таким образом, чтобы читатель мог вращаться в излагаемое так, чтобы по мере чтения оно становилось для него как бы своего рода беседой с самим собой. Если эта беседа складывается так, что при этом раскрываются скрытые до тех пор силы, которые могут быть пробуждены в каждой душе, тогда чтение приводит к действительной внутренней душевной работе. И душа может увидеть себя постепенно вынужденной к душевному странствию, переносящему ее, воистину, к созерцанию духовных миров. Поэтому сообщаемое дано в форме восьми медитаций, которые могут быть действительно проведены. В последнем случае они могут оказаться пригодными для того, чтобы раскрыть душе путем ее собственного внутреннего углубления то, о чем в них говорится.

Задача этой книги состоит в том, чтобы, с одной стороны, дать что-нибудь читателю, уже более подробно знакомому с литературой и работами в области сверхчувственного, как оно здесь разумеется. Таким образом, знакомый со сверхчувственной жизнью найдет здесь, может быть, в самом способе изложения, в непосредственной связи сообщения с душевным переживанием нечто такое, что может показаться ему важным. С другой же стороны, некоторые найдут, что именно благодаря такому способу изложения книга может оказаться полезной также и людям, еще далеко стоящим от достижений духовной науки.

По отношению к другим моим сочинениям из области духовной науки, эта книга должна служить дополнением, а также и расширением. Однако ее можно читать и как нечто самостоятельное.

В моей «Теософии» и в «Очерке тайноведения» была поставлена задача изложить вещи так, как они представляются наблюдению, обращенному на духовное. Изложение в этих сочинениях описательное; ход его был предписан той закономерностью, которая раскрывается из самих вещей. В этом «Пути к самопознанию человека» изложение ведется иначе. В нем говорится о том, что может пережить душа, вступающая определенным образом на путь к духу. Поэтому на это сочинение можно смотреть как на передачу душевных переживаний. Надо только принять во внимание, что переживания, которые могут быть испытаны человеком в таком роде, как они здесь описаны, должны для каждой отдельной души сообразно ее особенностям принимать индивидуальную форму. Автор старался соблюсти это условие; поэтому можно представить себе еще и так, что описанное в том виде, как оно здесь изложено, было в точности пережито какой-нибудь определенной душой (поэтому и заглавие должно быть понято в смысле некоего «Пути к самопознанию» – «Ein Weg zur Selbsterkenntnis»). По этой причине изложенное может послужить к тому, чтобы и другие души могли вживаться в его содержание и достигать соответственных целей. Таким образом, это сочинение является дополнением и расширением также и того, что содержится в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?»

Здесь изложены только некоторые отдельные основные переживания духовной науки. От дальнейших сообщений в таком же роде, касающихся других областей «духовной науки», автор счел нужным пока отказаться.

Рудольф Штайнер

Мюнхен, август 1912

ПЕРВАЯ МЕДИТАЦИЯ

Медитирующей пытается получить верное представление о физическом теле

Когда душа через чувства и через их представления отдается явлениям внешнего мира, то при действительном обращении мысли на себя она не может сказать, что она воспринимает эти явления или что она переживает вещи внешнего мира. Ибо, по правде, во время отдачи себя внешнему миру, она ничего не знает о себе. Солнечный свет, в многообразии цветовых явлений разливающийся от вещей в пространстве, – в сущности, это он изживает себя в душе. Радует ли душа какому-нибудь событию, в мгновение радования она сама – радость, поскольку она знает о том. Радость сама изживает себя в ней. Душа и ее переживания мира суть одно; она переживает себя не как то, что радуется, удивляется, восхищается или страшится. Она сама – радость, удивление, восхищение, страх. Если бы душа всегда могла сознаваться себе в этом, то времена, когда она удаляется от переживания внешнего мира и переходит к наблюдению самой себя, предстали бы ей жизнью совсем особого рода, и прежде всего – совсем несравнимого с обычной жизнью души. В этой особого рода жизни начинают возникать в сознании загадки душевного бытия. И эти загадки суть, в сущности, источник всех прочих мировых загадок. Внешний мир и внутренний предстают перед духом человека, когда душа на некоторое время перестает быть одно с внешним миром и уходит в одиночество самобытия.

Этот уход не есть простое событие, которое, совершившись однажды, могло бы затем быть таким же образом повторено. Это, скорее начало странствия в дотоле неведомые миры. Когда странствие начато, каждый сделанный шаг становится поводом к дальнейшим. Он же является и подготовкой к этим дальнейшим. Он впервые делает душу способной к последующим шагам. И с каждым шагом узнаешь все больше в смысле ответа на вопрос: что такое человек в истинном смысле слова? Открываются миры, остававшиеся сокрытыми для обычного рассмотрения жизни. И, однако, только в них одних заключено то, что может раскрыть истину также и относительно этого рассмотрения жизни. Если даже ни один ответ и не будет всеобъемлющим, окончательным, то все же эти ответы, добываемые посредством внутреннего, душевного странствия, превосходят все, что могут дать нам внешние чувства и связанный с ними рассудок. И человек нуждается в этом ином. Он замечает, что это так, когда действительно обращает свою мысль на самого себя.

Для этого странствия необходимы прежде всего трезвые, сухие размышления. Они дают достоверную исходную точку для дальнейшего движения вперед в сверхчувственные области, которые и являются, в конце концов, для души ее целью. Иная душа желала бы обойтись без этой исходной точки и тотчас же проникнуть в сверхчувственное. Но здоровая душа, даже если она вначале и избегала подобных размышлений, не имея к ним склонности, впоследствии все же отдастся им. Ибо сколько бы человек ни узнавал о сверхчувственном, отправляясь от иной исходной точки, твердую почву под ногами можно приобрести только путем такого рода размышлений, как нижеследующее.

В жизни души могут настать мгновения, когда она говорит сама себе так: ты должна быть в состоянии устраниться от всего, что может дать тебе внешний мир; иначе ты будешь вынуждена к признанию, с которым нельзя дальше жить, а именно – что ты лишь само себя изживающее противоречие. То, что ты воспринимаешь вовне, оно существует без тебя; оно было без тебя и будет без тебя.

Зачем в тебе ощущаются краски, раз твое ощущение может не иметь для них никакого значения? Зачем вещества и силы внешнего мира строят твое тело? Оно оживляется, слагаясь в твое внешнее явление. Внешний мир слагается в тебя. Ты замечаешь, что нуждаешься в этом теле. Ибо без внешних чувств, которые только оно одно может создать тебе, ты прежде всего

ничего не мог бы пережить в себе. Таким, каков ты сейчас, ты был бы пуст без твоего тела. Оно дает тебе внутреннюю полноту и содержание. И тогда могут возникнуть те размышления, без которых не может обойтись человеческое бытие, если оно не хочет в известные, наступающие для каждого человека мгновения вступить в невыносимое противоречие с самим собой. Это тело, оно живет так, что является ныне выражением душевного переживания. Процессы его таковы, что душа живет им и в нем переживает себя. Некогда это будет не так. Со временем то, что живет в теле, будет подчинено совсем другим законам, чем теперь, когда все в нем протекает для меня, для моего душевного переживания. Оно будет подчинено тем законам, по которым обращаются ко внешней природе вещества и силы, – законам, не имеющим больше никакого отношения ко мне и к моей жизни. Тело, которому я обязан моим душевным переживанием, будет принято в общий круговорот мира и останется в нем так, что не будет иметь ничего общего со всем тем, что я в себе переживаю.

Подобное размышление может вызвать во внутреннем переживании все ужасы мысли о смерти без того, чтобы к этому впечатлению примешались чисто личные чувства, обычно связанные в душе с этой мыслью. Эти чувства действуют так, что в присутствии их нелегко устанавливается то спокойное, невозмутимое настроение, которое необходимо для познавательного размышления. Более чем понятно, что человек ищет познания о смерти и о жизни души, независимой от разложения тела. Положение, в котором он находится по отношению к вопросам, о которых здесь идет речь, способно больше, чем что-либо другое в мире, затуманить объективный взгляд и заставить принять ответы, подсказанные желанием. Но в духовной области человек не может ни о чем приобрести истинного познания, если он не сумеет стать как бы совершенно непричастным и принимать так же охотно «нет», как и «да». Между тем стоит ему только добросовестно заглянуть в себя, чтобы стало совершенно ясным, что сознание об угасании со смертью тела также и душевной жизни он не принял бы с тем же спокойствием, как сознание, которое говорит о продолжении существования души после смерти. Конечно, есть люди, которые совершенно честно верят в уничтожение души вместе с прекращением телесной жизни и которые строят свою жизнь на этой мысли. Однако и о них можно сказать, что в своих чувствах они относятся к этой мысли отнюдь не беспристрастно. Они, правда, не позволяют себе под влиянием ужасов уничтожения доходить до того, чтобы желание, направленное на продолжение жизни, пересиливало в них доводы убедительного для них познания. Поэтому представления таких людей бывают нередко более объективны, чем представления тех, которые, сами того не зная, морочат себя или позволяют морочить себя доводами в пользу продолжения жизни по той причине, что в тайниках их души горит желание такового продолжения. Однако и у отрицателей бессмертия предвзятость бывает не менее велика. Но только она другого рода. Среди них можно встретить людей, которые создают себе определенное представление о том, что называется жизнью и существованием. Это представление приводит их к необходимости мыслить определенные условия, при которых единственно возможна эта жизнь. Из своих воззрений на жизнь они делают вывод, что по отпадении тела не может больше быть необходимых условий для жизни души. Эти люди не замечают, что они уже предварительно составили себе определенное представление об условиях, при которых единственно возможна жизнь, и что они только потому не могут верить в ее продолжение после смерти, что составленное ими представление не допускает возможности помыслить существование, свободное от тела. Они связаны если не своими желаниями, то представлениями, от которых никак не могут освободиться. В этой области существует еще много и других предвзятостей. Привести можно всегда только единичные примеры из всего многообразия подобных рассуждений.

Мысль, что тело, в процессах которого изживает себя душа, подпадет некогда внешнему миру и будет следовать законам, не имеющим никакого отношения ко внутреннему переживанию, – эта мысль ставит перед душой переживание смерти так, что к этому размышлению могут не примешиваться личные интересы. Так что это переживание может привести к чистому, без-

личному познавательному вопросу. Но тогда вскоре появляется ощущение, что мысль о смерти значительна не сама по себе, но лишь потому, что может пролить свет на жизнь. Человек неизбежно приходит к воззрению, что загадка жизни познаваема через сущность смерти.

То, что душа желает продолжения своего бытия, должно было бы во всяком случае сделать ее недоверчивой ко всем мнениям, которые она создает себе об этом продолжении. Ибо фактам мира нет никакого дела до того, что чувствует душа. Пусть она чувствует себя бессмысленной перед лицом своих собственных запросов, принужденная думать, что она может подобно пламени, возникающему из горючего вещества, вспыхивать из вещества своего тела и потом снова угасать. Это могло бы быть и так, хотя бы и ощущалось как бессмыслица. Когда душа обращает свой взор на тело, она должна считаться только с тем, что может явить ей тело.

Может показаться, как будто в природе действуют законы, которые приводят вещества и силы во взаимодействие, и как будто эти законы через некоторое время получают власть над телом и тогда втягивают его в этот общий круговорот. Эту мысль можно поворачивать как угодно: с точки зрения естественнонаучной она, пожалуй, и применима, но по отношению к истинной действительности она оказывается совершенно несостоятельной. Можно находить, что эта мысль одна только обладает научной ясностью и трезвостью, а все остальное лишь субъективная вера; это легко можно себе вообразить. Но при истинной непредвзятости на ней нельзя остановиться. И в этом все дело. Важно не то, что душа ощущает существом своим как необходимость, а то, что являет собой внешний мир, из которого заимствовано тело. Этот внешний мир после смерти вбирает в себя свои вещества и силы. И они следуют в нем тогда своим законам, для которых совершенно безразлично, что происходит в человеческом теле во время жизни. Эти законы (физического и химического порядка) относятся к телу так же, как и ко всякому другому безжизненному предмету внешнего мира. Невозможно думать иначе, как только так, что это безразличное отношение внешнего мира к человеческому телу наступает не только со смертью, но что оно таково уже и во время жизни. Не из жизни можно почерпнуть представление об участии чувственного внешнего мира в человеческом теле, но единственно только из этой мысли: со всем, что является в тебе носителем твоих внешних чувств, посредником для тех процессов, которыми живет твоя душа, со всем этим воспринимаемый тобой мир обращается так, как это являет тебе твое представление о нем, простирающееся за грани твоей жизни, – представление, считающееся с тем, что настанет время, когда у тебя не будет больше при себе всего того, в чем ты теперь себя переживаешь. Всякое другое представление об отношении чувственного внешнего мира к телу дает уже само собою почувствовать свою несостоятельность перед действительностью. Но представление, что действительное участие внешнего мира в теле обнаруживается только после смерти, не находится в противоречии ни с чем из того, что на самом деле переживается во внешнем и внутреннем мире. Душа не чувствует ничего невыносимого при мысли, что ее вещества и силы подпадают ходу событий внешнего мира, не имеющих ничего общего с ее собственной жизнью. При полной и непредвзятой отдаче себя жизни, она не может открыть в глубинах своих ни одного возникающего из тела желания, которое делало бы ей тягостной мысль о разложении после смерти. Невыносимое наступает лишь тогда, если при этом создается представление, будто возвращающиеся во внешний мир вещества и силы уносят с собой также и переживающую себя душу. Такое представление было бы невыносимо по той же причине, как и всякое другое, не вытекающее естественно из отдачи себя откровению внешнего мира.

Приписывать внешнему миру при жизни тела совсем иное участие в его жизни, нежели после смерти, – это мысль, ни на чем не основанная. Как мысль, не имеющая смысла, она должна постоянно отпрядывать назад от действительности. Между тем как мысль о совершенно одинаковом участии внешнего мира в теле при жизни, как и после смерти, – это вполне здравая мысль. Когда душа проникнута этой мыслью, она чувствует себя в полной гармонии с откровением действительности. Она может чувствовать, что благодаря этому представлению

она не вступает в противоречие с фактами, которые говорят сами за себя, и к которым нельзя пристегнуть никакой искусственной мысли.

Не всегда отдают себе отчет, в какой прекрасной гармонии находится естественное, здоровое чувство души с откровением природы. Это может показаться до такой степени само собой понятным, что на это как будто не стоит даже обращать внимания; и все же это, по видимости незначительное явление может осветить многое. Нет ничего невыносимого в мысли, что тело разложится на свои элементы, но зато есть нечто бессмысленное в мысли, что то же самое постигнет и душу. Есть много личных человеческих доводов, показывающих, что это бессмысленно. С такими доводами объективное размышление не должно считаться. Но вполне безличная отдача себя тому, чему учит внешний мир, показывает, что этому внешнему миру нельзя при жизни приписывать иного участия в душе, нежели после смерти. Решающим является то, что эта мысль возникает как необходимая, и что она способна противостоять всем возражениям, которые можно привести против нее. Кто совершенно сознательно продумает ее, тот ее почувствует как непосредственную достоверность. Но так думают в действительности как верующие в бессмертие, так равно и отрицающие его. Последние скажут, пожалуй, что в законах, действующих в теле после смерти, содержатся также и условия его отправлений при жизни; но они ошибаются, если верят, что могут на самом деле представить себе, будто эти законы при жизни находятся в ином отношении к телу, как носителю души, нежели после смерти.

Само по себе возможно лишь такое представление, что то, особое сочетание сил, которое проявляется в теле, настолько же безучастно к телу, носителю души, как и то сочетание, которое обуславливает процессы в мертвом теле. Эта безучастность существует не по отношению к душе, а по отношению к веществам и силам тела. Душа переживает себя в теле, тело же живет с внешним миром, в нем и через него, и душевное не имеет для тела иного значения, чем события внешнего мира. Необходимо прийти к воззрению, что тепло и холод внешнего мира имеют для кровообращения такое же значение, как страх или стыд, испытываемые душой.

Итак, прежде всего человек чувствует в себе законы внешнего мира действующими в том совершенно особом сочетании, которое сказывается в образовании человеческого тела. Он ощущает это тело как часть внешнего мира. Но внутреннему сочетанию его он остается чужд. Внешняя наука отчасти выясняет теперь, каким образом законы внешнего мира сочетаются в том совершенно особом существе, каким является человеческое тело. Можно ждать, что в будущем знание это будет все более подвигаться вперед. Но как должна думать о своем отношении к телу душа, в этом не могут ничего изменить никакие успехи знания. Напротив, оно все яснее должно будет показать, что законы внешнего мира находятся в одинаковом отношении к душе как до, так и после смерти. Было бы иллюзией ждать, что с успехами познания природы выяснится из законов внешнего мира также и то, каким образом происходящие в теле процессы обуславливают душевную жизнь. Все отчетливее будут познаваться процессы, происходящие в теле во время жизни; но эти процессы всегда будут оказываться такими, что душа будет ощущать их столь же внешними по отношению к себе, как и то, что происходит в теле после смерти.

Поэтому во внешнем мире тело должно являться сочетанием сил и веществ, существующим и объяснимым само по себе, как член этого внешнего мира. Природа дает возникнуть растению и снова разлагает его. Она господствует над человеческим телом и уничтожает его внутри своего существа. Когда человек подходит к природе с таким размышлением, он может забыть себя и все, что есть в нем, и ощутить свое тело как часть внешнего мира. Когда он думает так о своем отношении к себе и к природе, он переживает в себе то, что можно назвать его физическим телом.

ВТОРАЯ МЕДИТАЦИЯ

Медитирующий пытается получить истинное представление о стихийном или эфирном теле

Через представление, которое душа должна составить себе по поводу факта смерти, она может быть повергнута в полную неуверенность относительно своего собственного существа. Это произойдет в том случае, если она думает, что не может ничего знать ни о каком другом мире, кроме как о мире внешних чувств и о том, что может познать об этом мире рассудок. Обычная душевная жизнь обращает свой взор на физическое тело. Она видит, как оно переходит после смерти в общий круговорот природы, не принимающей участия в том, что душа переживает до смерти как свое собственное бытие. Правда, она может знать (из предыдущей медитации), что физическое тело и во время жизни имеет к ней такое же отношение, как и после смерти: но это не ведет ее дальше признания внутренней самостоятельности ее собственного переживания до смерти. Что происходит с физическим телом после смерти, это показывает ей наблюдение внешнего мира. Для внутреннего переживания не существует такого наблюдения. Такой, какова она есть, эта душевная жизнь не может устремить взор за грань смерти. Если душа не в состоянии составить себе представлений, выходящих за грань того мира, который принимает в себя тело после смерти, то она не имеет также и возможности заглянуть по ту сторону смерти во что-либо иное, кроме как в пустое «ничто» по отношению ко всему душевному.

Для того, чтобы это могло быть иначе, душа должна была бы воспринимать внешний мир другими средствами, кроме внешних чувств и связанного с ними рассудка. Они сами принадлежат к телу и уничтожаются вместе с ним. То, что они говорят, никогда не может привести ни к чему иному, кроме как к выводу первичной медитации. А он состоит лишь в том, что душа может признаться себе: ты привязана к своему телу. Последнее подчинено законам природы, имеющим к тебе такое же отношение, как и прочие законы природы. Благодаря им ты часть внешнего мира, и внешний мир имеет часть в тебе, которая проявляется всего яснее, когда ты размышляешь о том, что делает этот мир с твоим телом после смерти. Для жизни он дает тебе внешние чувства и рассудок, которые делают для тебя невозможным видеть то, что происходит с твоим душевным переживанием по ту сторону смерти. Это признание может привести только к двум результатам. Или человек подавит в себе всякую дальнейшую пытливость относительно загадки души и откажется от какого-либо знания в этой области. Или же им будут сделаны усилия, чтобы внутренним душевным переживанием достигнуть того, в чем отказывает внешний мир. Эти усилия могут привести к тому, что сделают внутреннее переживание сильнее и энергичнее, чем оно бывает в обыкновенном существовании.

В обыкновенной жизни человек обладает известной силой своих внутренних переживаний, своих ощущений и мыслей. Например, он бывает занят какой-нибудь мыслью всегда лишь постольку, поскольку имеется к тому какой-нибудь внешний или внутренний повод. Но можно выбрать из ряда мыслей одну какую-нибудь мысль и без всякого повода начать снова и снова продумывать ее, внутренне напряженно переживать ее. Можно повторно делать эту мысль единственным предметом своего внутреннего переживания. И в это время можно не допускать до себя никаких внешних впечатлений или воспоминаний, готовых возникнуть в душе. Такую полную, исключаящую все остальное отдачу себя известным мыслям или также ощущениям можно превратить в правильную внутреннюю деятельность. Чтобы такое внутреннее переживание привело к действительно значительным последствиям, оно должно быть предпринято непременно на основании определенных, проверенных законов. Такие законы указываются наукой о духовной жизни. Многие из них приведены в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?» Таким путем достигается укрепление сил внутреннего пере-

живания. Последнее как бы сгущается. Что благодаря этому происходит, это можно узнать из наблюдений над собой, которые наступают, если продолжать вышеозначенную внутреннюю деятельность достаточно долгое время. Конечно, в большинстве случаев понадобится много терпения, пока проявятся убедительные результаты. И кто не согласен в течение долгих лет прилагать это терпение, тот ничего особенного не достигнет. Здесь можно привести только пример подобных результатов. Они бывают различного рода. И то, что здесь будет приведено, применимо для продолжения медитативного пути, с описания которого мы начали.

Человек может долго упражняться в вышеуказанном внутреннем укреплении своей душевной жизни. Возможно, что он не переживет в себе ничего такого, что могло бы заставить его думать о мире иначе, чем он дотоле привык. Но затем однажды может произойти следующее. Конечно, то, что будет здесь описано, не произойдет совершенно одинаковым образом даже у двоих людей. Но кто захочет получить представление об одном из таких переживаний, тот уяснит себе и всю область, о которой здесь идет речь.

Может наступить мгновение, когда душа начнет внутренне переживать себя совершенно иначе, чем обыкновенно. В большинстве случаев это бывает сначала так, что душа как бы оживает, переходя от сна к сновидению. Но тотчас становится ясным, что это переживание нельзя сравнить с тем, что разумеют обычно под сновидением. Бываешь тогда совершенно исторгнут из мира внешних чувств и рассудка и однако переживаешь все так же, как и в обычной жизни, когда в бодрственном состоянии стоишь перед внешним миром. Чувствуешь побуждение представить себе это переживание. Для этого представления берешь те понятия, какие имеются в обыкновенной жизни, но очень хорошо знаешь, что переживаешь нечто совсем иное, чем то, к чему относятся эти понятия нормально. На последние смотришь только как на средства для выражения переживания, которого дотоле не испытывал и о котором знаешь, что в обыкновенном существовании оно невозможно. Чувствуешь себя как бы окруженным грозой и бурей. Слышишь гром и видишь молнии. Знаешь, что находишься в комнате в каком-то доме. Чувствуешь себя пронизанным силой, о которой дотоле ничего не знал. Потом чудится, что видишь в стенах вокруг себя трещины. Хочется сказать самому себе или лицу, стоящему рядом с тобой: дело плохо – молния ударила в дом, она настигает меня. Я чувствую себя схваченным ею. Она меня уничтожает. И после того, как пройдет целый ряд таких представлений, внутреннее переживание переходит опять в обычное душевное состояние. Находишь себя снова в себе, вместе с воспоминанием о только что пережитом. Если это воспоминание так же живо и точно, как и всякое другое, то оно дает возможность составить суждение о только что пережитом. Тогда непосредственно знаешь, что пережито было нечто такое, чего нельзя пережить никаким телесным чувством, а также и обыкновенным рассудком. Ибо чувствуешь, что только что сделанное описание, какое можно дать себе или другим, является только средством для выражения этого переживания. Выражение это хотя и является средством, чтобы объясниться по поводу пережитого, но само не имеет с ним ничего общего. Знаешь, что для такого переживания не нуждаешься ни в одном из своих внешних чувств. Кто сошлется здесь на скрытую деятельность внешних чувств или мозга, тот не знаком с истинным характером этого переживания. Он держится описания, которое говорит о молнии, грома, трещинах в стене, и поэтому думает, что душа пережила лишь отголоски обыденной жизни. Он принужден считать пережитое лишь за видение в обыкновенном смысле слова. Он не может думать иначе. Одно только упускает он из виду – то, что изображающий такое переживание пользуется словами: молния, гром, трещины в стене, как образами для пережитого, но что он не смешивает само переживание с образами. Правда, ему самому представляется, как если бы он действительно воспринимал эти образы. Но в данном случае он не так относится к явлению молнии, как когда он видит ее своими глазами. Видение молнии является для него чем-то, как бы простертым над действительным переживанием; сквозь молнию смотрит он на нечто совсем иное, чего нельзя пережить в чувственном мире.

Для правильного суждения необходимо, чтобы душа, переживающая подобное состояние, сумела совершенно здраво отнестись к внешнему миру, когда это переживание окончится. Она должна быть в состоянии правильно сравнивать испытанное ею особое переживание с переживанием обычного внешнего мира. Кто даже в обычной жизни склонен предаваться всяким мечтательным представлениям по поводу вещей, тот мало пригоден для такого суждения. Чем больше у человека здравого, хотелось бы сказать, трезвого чувства действительности, тем это лучше, когда дело идет о правдивом и значительном обсуждении подобных вещей. Отнестись с доверием к своим сверхчувственным переживаниям можно только тогда, когда имеешь право сказать себе по отношению ко внешнему миру, что принимаешь вещи и события отчетливо такими, каковы они есть.

Если все необходимые условия таким образом исполнены, и человек имеет основание признать, что он не сделался жертвой простого видения, то он знает, что пережил нечто такое, для наблюдения чего тело не послужило посредником. Наблюдение было произведено непосредственно, помимо тела, окрепшей в самой себе душой. Он получил представление о переживании вне своего тела. Ясно, что в этой области закономерные различия между мечтанием или иллюзией и подлинным, произведенным вне тела наблюдением могут быть установлены только в том же самом смысле, как и в области чувственных восприятий. Бывает, что какой-нибудь человек обладает живым вкусовым воображением и уже при одном представлении о лимонаде ощущает почти так, как если бы он его действительно пил. Но различие между тем и другим выяснится тем не менее из всей совокупности жизненных условий. То же самое можно сказать и о переживаниях вне тела. Чтобы прийти в этой области к представлениям совершенно убедительным, надо здраво вжиться в нее, приобрести способность наблюдать взаимную связь переживаний и таким образом исправлять одно другим.

Путем таких переживаний, как только что описанное, человек получает возможность не одними только внешними чувствами или рассудком, то есть орудиями тела, наблюдать то, что составляет часть его самого. Теперь он знает о мире не только другое, нежели о чем дают ему познание эти орудия; но он знает о нем по-другому. И это особенно важно. Душа, проходящая через внутреннее изменение, все более и более приходит к воззрению, что угнетающие ее вопросы бытия не могут быть разрешены в мире внешних чувств, потому что внешние чувства и рассудок не могут достаточно глубоко проникать в мир. Глубже проникают души, которые так изменяются, что могут переживать вне тела. В сообщениях, которые они могут давать о своих переживаниях, заключается то, что в состоянии разрешить душевные загадки.

Но переживание, протекающее вне тела, бывает совсем иного рода, чем переживание в теле. Это и выясняет нам наше суждение, которое мы могли составить себе относительно описанного переживания, когда после него наступило обычное бодрственное состояние души и установилось достаточно живое и ясное воспоминание. Душа ощущает чувственное тело отделенным от остального мира; она воспринимает его принадлежащим только к себе. Иначе бывает с тем, что переживаешь в себе вне тела. В такие моменты чувствуешь себя связанным со всем, что можно назвать внешним миром. Все окружающее чувствуешь связанным с собой, как в жизни внешних чувств – свою руку. По отношению к внутреннему душевному миру не существует безразличия внешнего мира. Ощущаешь себя в полной мере как бы сросшимся или сплетенным с тем, что можешь назвать миром. Все, что окружает созерцающую душу, так же связано с ней, как с физической головой – обе телесные руки. И все же можно говорить о некоторой части этого внешнего мира, которая больше связана с собственным твоим существом, нежели все прочее, – как можно сказать и о голове, что по отношению к рукам или ногам она является самостоятельным членом. Душа называет часть чувственного внешнего мира своим телом. Душа, переживающая вне этого тела, может также считать своею часть нечувственного внешнего мира. Когда человек достигает наблюдения этой области, лежащей по ту сторону мира внешних чувств, он может говорить, что ему принадлежит некое не вос-

принимаемое внешними чувствами тело. Это тело можно назвать стихийным или эфирным телом; причем слово «эфирное» не надо связывать с представлением о тонком веществе, называемом в физике «эфиром».

Как простое размышление об отношении человека к природному внешнему миру создает соответствующее фактам представление о физическом теле, так и странствие души в области, которые могут быть узрены вне чувственного тела, приводит к признанию стихийного или эфирного тела.

ТРЕТЬЯ МЕДИТАЦИЯ

Медитирующий пытается составить себе представление о ясновидческом познании стихийного мира

Когда человек начинает воспринимать не чувственным телом, но вне его – телом стихийным, то он переживает мир, неведомый восприятиям внешних чувств и обыкновенному рассудочному мышлению. Если сравнивать этот мир с чем-нибудь, принадлежащим к обычному переживанию, то придется сравнить его с миром воспоминаний или представлений памяти. Подобно тому как последние возникают из глубин души, так бывает и со сверхчувственными переживаниями стихийного тела. Но только при возникновении образа воспоминания душа знает, что он имеет отношение к прежнему переживанию в мире внешних чувств. Сверхчувственное представление точно так же содержит в себе известное отношение. Как представление памяти само собою заявляет о себе, как о чем-то, что нельзя назвать просто только образом фантазии, так бывает и с представлением сверхчувственным. Оно вырывается из душевного переживания, но тотчас же раскрывается как внутреннее переживание, имеющее отношение к чему-то внешнему. Образ воспоминания вызывает в душе нечто, что было пережито. Благодаря сверхчувственному представлению то, что когда-то или где-то существует в сверхчувственном мире, делается внутренним душевным переживанием. Таким образом, сама сущность сверхчувственных представлений показывает, что на них можно смотреть как на внутренне раскрывающиеся сообщения из сверхчувственного мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.